

УРОКИ ИСТОРИИ

ПЛОМБИРОВАННЫЙ ВАГОН¹

*Логинов Владлен Терентьевич –
д.и.н., профессор, Российский
университет образования.*

Итак, 8 апреля все обязательные дела были завершены и утром 9-го, с первым поездом, Ленин и Крупская уехали в Цюрих. В запасе было всего лишь несколько часов.

Прощались с хозяевами, побросали самое необходимое в корзину, вернули книги в библиотеку и отнесли вещи на вокзал. Там уже собирались все те, кто решил ехать.

«Все уезжающие, – рассказывает Платтен, – собрались в ресторане “Церингерхоф” за общим скромным обедом. Из-за беспрестанной беготни взад и вперед и беспрерывной информации, делаемой Лениным и Зиновьевым, собрание производило впечатление растревоженного муравейника». После обсуждения информации все собравшиеся решили подписать обязательство, согласно которому ответственность за предпринимаемый шаг каждый из участников поездки брал лично на себя².

И тут произошел конфликт. Среди тех, кто намеревался ехать, объявился врач Оскар Блюм, автор книги «Выдающиеся личности русской революции». Согласно договоренности, ни партийная принадлежность, ни образ мыслей не могли служить препятствием для включения в список. И среди отъезжающих, помимо большевиков, были и меньшевики, и впередовцы, и эсеры, и анархисты. Но Блюма подозревали в связях с охранкой. «Ленин и Зиновьев дали ему понять, что будет лучше, если он откажется от поездки... Его желание – опросить всех едущих – было удовлетворено. 14 голосами против 11 включение его в список уезжающих было отклонено»³.

Постепенно собрались все. В половине третьего вся группа «направилась из ресторана “Церингерхоф” к вокзалу, нагруженные – по русскому обычаю – подушками, одеялами и пр. пожитками». На перроне уже толпились провожающие. И вдруг выяснилось, что Блюм загодя уже прошел в вагон и преспокойно, с улыбочкой, занял место. Вот тут-то Владимир Ильич, который все это время держал себя в руках, как говорится, сорвался. Он вскочил в вагон и буквально за шиворот выволол нахала на перрон.

Между тем у вагона собралась толпа эмигрантов, бурно протестовавших против поездки. Вот-вот могла возникнуть потасовка. Но молодые швейцарцы – друзья

¹ отрывки из книги: Логинов В.Т. Ленин: Путь к власти. Биография. (1917 год). Книга находится в печати.

² Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 53, 55, 125.

³ Там же. С. 53, 54.

Платтена и железнодорожные служащие быстро вытолкали бузотеров с перрона. За пару минут до отхода поезда к Зиновьеву «в большом возбуждении» подошел Давид Рязанов: «В.И. увлекся и забыл об опасностях; вы – хладнокровнее. Поймите же, что это безумие. Уговорите В.И. отказаться...»⁴ Но вступать в дискуссию было поздно.

Стоявший на перроне приятель Платтена, молодой анархист Зигфрид Блох, прощаясь с Лениным, вежливо «выразил надежду скоро снова увидеть его у нас», то есть в Швейцарии. Владимир Ильич рассмеялся и ответил: «Это было бы плохим политическим знаком»⁵. Отъезжающие уже заняли свои места в вагоне и все ждали сигнала к отправлению...

Поскольку в «лениноедской» литературе даже вопрос о числе эмигрантов, отправлявшихся в Россию, стал предметом политических инсинуаций, приведем их список. Под обязательством, подписанном в ресторане «Церингергоф», стоят фамилии: Ленина и Лениной (Крупской), Зиновьева и Радомысльской (Лилиной), Сафарова и Сафаровой (Мартошкиной), Усиевича и Елены Кон (Усиевич), сотрудников газеты «Наше слово» Ильи и Марии Мирингоф (Мариенгоф), Инессы Арманд и сестры ее мужа Анны Константинович, Миши Цхакая и Давида Сулиашвили, Григория Сокольников, М. Харитонов, Н. Бойцова, А. Линде, Ф. Гребельской, А. Абрамовича, А. Сквон, О. Равич, Д. Слюсарева, эсера Д. Розенблюма (Фирсова), Б. Ельчанинова, Шейнесон, М. Гобермана, Айзенхунд и бундовки Б. Поговской. Итого 29 взрослых и два ребенка: Степан – сын Зиновьевых и Роберт – сын Поговской. Итого: 31 человек. Не было подписи тридцать второго – Карла Радека. Он являлся австрийским подданным и не мог считаться российским эмигрантом. Поэтому Платтен попросил его не мелькать на вокзале, а присоединиться к группе на ближайшей остановке в Шафхаузене, что Радек и сделал⁶.

Наконец прозвенел вокзальный колокол. Провожающие запели «Интернационал». И поезд двинулся в путь...

А те, кто остались, кто считал эту поездку политической ошибкой – доказали ли они возможность иного решения? Нет...

Дни проходили в бесплодном ожидании ответа из Петрограда. «Положение наше стало невыносимым», – телеграфировал Мартов своим коллегам в Россию. 15 апреля произошел раскол. Группа эмигрантов в 166 человек, решивших ждать, выделилась в отдельную организацию. Лишь 21 апреля пришел ответ на телеграмму, посланную 5-го. Ответил Милюков. Он вновь указал, что проезд через Германию невозможен и – в который раз – пообещал добиться возвращения через Англию⁷.

⁴ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 54, 123.

⁵ Ленинградская правда. 1925. № 17. 21 января. С. 13.

⁶ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 50.

⁷ Там же. С. 38-40.

Эмигранты расценили ответ как издевательство. И 30 апреля заявили, что поедут на родину тем же путем, что и ленинская группа. На вопрос – не использует ли Германия их поездку в своих целях, они смогли повторить лишь то, что говорили большевики: «Нас абсолютно не касается, какие мотивы будут руководить при этом немецким империализмом, так как мы ведем и будем вести борьбу за мир, само собой разумеется, не в интересах немецкого империализма, а в духе интернационального социализма... Условия проезда Ленина, опубликованные Платтеном в "Народном праве", содержат в себе все нужные гарантии». Аксельрод, Мартов и Семковский написали еще точнее: «Соображения дипломатического характера, опасения ложного истолкования, отступают для нас на задний план перед могучим долгом участвовать в Великой революции»⁸.

12 мая (29 апреля) вторая группа эмигрантов – 257 человек, в их числе Мартов, Натансон, Луначарский и другие, уехали через Германию в Россию. В Питер они благополучно прибыли во вторник 22 (9) мая.

Впрочем, не все закончилось гладко. Пользуясь в переговорах с Ромбергом услугами того же Роберта Гримма, они привезли его с собой в Петроград для встречи с Временным правительством относительно судьбы оставшихся в Швейцарии эмигрантов. Но Гримм сразу же занялся своей «тайной дипломатией» о возможности заключения сепаратного мира и со скандалом был выдворен из России⁹.

30 июня был третий, потом четвертый «заезды». Точно так же, в «запломбированном» вагоне, через Австрию, русские социалисты уехали из Болгарии. А поверившие Милюкову и дожидавшиеся проезда через Англию швейцарские эмигранты в августе 1917 года с обидой телеграфировали Керенскому: «Циммервальдисты уехали, мы остались»¹⁰.

Но все это было потом...

А 9 апреля (27 марта) в 15 часов 10 минут поезд с первой группой политэмигрантов выехал из Цюриха. Прибыли в Тайнген. Здесь швейцарские таможенники учинили досмотр багажа по полной программе. Оказалось, что некоторые продукты – особенно шоколад – превышали нормы вывоза. Излишки были конфискованы. Затем пересчитали пассажиров. «Каждый из нас, – рассказывает Елена Усиевич, – выходил с задней площадки вагона, держа в руках клочок бумаги с начертанным на нем порядковым номером... Показав этот клочок, мы входили в свой вагон с передней площадки. Никаких документов никто не спрашивал, никаких вопросов не задавал»¹¹.

⁸ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 39, 41, 42; Урилов И.Х. Ю.О. Мартов. Политик и историк. М., 1997. С. 289, 290.

⁹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 71, 72.

¹⁰ См. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 21).

¹¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 66, 148.

Вагон перегнали через границу на немецкую станцию Готмадинген. Сопровождавший группу атташе германского посольства в Берне Шюллер передал свои полномочия офицерам Германского генерального штаба ротмистру Арвиду фон Планитцу и лейтенанту, доктору Вильгельму Бюригу¹². Все опять выгрузились из вагона и вошли в зал таможни, где мужчинам и женщинам предложили стать по разные стороны длинного стола.

«Мы стояли молча, – пишет Радек, – и чувство было очень жуткое. Владимир Ильич стоял спокойно у стены, окруженный товарищами. Мы не хотели, чтобы немцы к нему присматривались. Бундовка, которая везла с собой четырехлетнего сынишку, поставила его на стол. На мальчика, видимо, подействовало общее молчание, и он вдруг спросил острым ясным детским голоском: «Мамеле, вуси дуэс?» Ребенок, видимо, хотел спросить: «Что это? Что происходит, мамочка?» И детский «выкрик на... минско-английском наречии» разрядил атмосферу¹³. Оказалось, что все это «построение» понадобилось немцам лишь для того, чтобы вновь пересчитать пассажиров.

Затем в зале ожидания III класса подали ужин. «Худенькие, изжелта-бледные девушки в кружевных наколках и передничках разносили на тарелках огромные свиные отбивные с картофельным салатом... Достаточно было взглянуть на дрожащие руки девушек, протягивающих нам тарелки, на то, как они старательно отводили глаза от еды, чтобы убедиться, что давно уж в Германии не видят ничего подобного... И мы, – пишет Елена Усиевич, – совали в руки официанткам нетронутые тарелки с кушаньем»¹⁴.

А утром подали серо-зеленый вагон II и III класса типа «микст» – наполовину мягкий, наполовину жесткий, три двери которого были опечатаны пломбами. Вагон прицепили к поезду на Франкфурт и путешественники стали размещаться. Первое мягкое купе отдали немецким офицерам. У его дверей провели мелом жирную черту – границу «экстерриториальности». Ни немцы, ни россияне не имели права переступить через нее¹⁵. Отдельное купе дали Ленину и Крупской, чтобы Владимир Ильич мог работать. Получили по купе семья Зиновьевых и Поговская с сыном. Отвели купе под багаж. Но когда дележ закончился, выяснилось, что нескольких спальных мест не хватает. Тогда для мужчин составили график очередности сна. Но всякий раз, когда подходил черед на полку Владимира Ильича, очередники категорически отказывались ложиться на его место: Вы должны иметь возможность спокойно работать¹⁶.

¹² См. Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 52, 56, 57; Хёпфнер К., Ирмтрауд Ш. Ленин в Германии. Перевод с нем. М., 1985. С. 179.

¹³ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 129.

¹⁴ Там же. С. 149.

¹⁵ См. там же. С. 56.

¹⁶ См. там же. С. 151.

Впрочем, со спокойной работой никак не получалось. То в купе по поводу разного рода дел набивалось множество людей. И Ленину приходилось решать даже вопрос о том, как поделить единственный туалет между курящими и некурящими. То в соседнем купе, где ехали Сафаровы, Инесса Арманд и Ольга Равич, Радек начинал рассказывать анекдоты и тоненькие перегородки буквально дрожали от хохота. То молодежь – «у кого голоса были получше и слух не слишком подводил» – шли к купе, как они говорили, «давать серенаду Ильичу».

«Для начала, – рассказывает Елена Усиевич, – мы пели обычно «Скажи, о чем задумался, скажи, наш атаман». Ильич любил хоровое пение, и нас не всегда просили удалиться. Иногда он выходил к нам в коридор, и начиналось пение всех подряд любимых песен Ильича: «Нас венчали не в церкви», «Не плачьте над трупами павших бойцов» и так далее»¹⁷.

Любопытны наблюдения 24-летней Елены, касающиеся личности Ленина: «Никогда мне не приходилось видеть человека, до того естественного и простого в каждом своем слове, в каждом движении... Никто не чувствовал себя подавленным его личностью, даже смущения перед ним не испытывал... Рисовка в присутствии Ильича была невозможна. Он не то чтобы обрывал человека или высмеивал его, а просто как-то сразу переставал тебя видеть, слышать, ты точно выпадал из поля его зрения, как только переставал говорить о том, что тебя действительно интересовало, а начинал позировать. И именно потому, что в его присутствии сам человек становился лучше и естественней, было так свободно и радостно с ним»¹⁸.

А между тем поезд шел по Германии. «На больших станциях, – пишет Усиевич, – поезд наш останавливался преимущественно по ночам. Днем полиция отгоняла публику подальше, не давая ей подходить к вагону. Но поодаль народ все же собирался группами и днем, и даже по ночам и жадно смотрел на наш вагон. Нам махали издали руками, показывая обложки юмористических журналов с изображением свергнутого царя». И Елене казалось, что они «связывали с проездом через их страну русских революционеров затаенные надежды на скорый конец ужасающей бойни, на мир...»¹⁹

Проехали Штутгарт и сопровождавшие офицеры сообщили Платтену, что в соседний вагон – с ведома высшего военного командования – сел Вильгельм Янсон, член руководства германских профсоюзов, который хотел бы побеседовать с русскими. «Мое сообщение, – пишет Платтен, – вызвало взрыв веселья... Эмигранты заявили, что они отказываются от беседы и не задумаются прибегнуть к насилию в случае повторных попыток». Радек дополняет: «Ильич приказал прогнать его “к чертовой

¹⁷ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 129, 150.

¹⁸ Там же. С. 151.

¹⁹ Там же. С. 149.

бабушке» и отказался его принять... Несмотря на полученную пощечину [Янсон] очень старался, на всякой станции покупал для нас газеты и обижался, когда Платтен возмещал ему их стоимость»²⁰.

Вообще эмигранты, особенно молодежь, почти всю дорогу находились в несколько возбужденном и приподнятом настроении. В коридоре вагона то и дело вспыхивали споры – о положении в России, перспективах революции, а главное, как встретят их – арестуют сразу или потом? Во время такого спора Ленин спросил Платтена: «Какого вы мнения, Фриц, о нашей роли в русской революции?» – «Должен признаться, – ответил я, – что... вы представляетесь мне чем-то вроде гладиаторов Древнего Рима, бесстрашно, с гордо поднятой головой, выходявших на арену навстречу смерти... Легкая улыбка скользнула по лицу Ленина...»²¹

Никаких контактов с немцами не было. Даже обед – оплаченные Красным Крестом котлеты с горошком – приносили в вагон. Всю дорогу путешественники смотрели в окна. Поражало отсутствие мужчин – и в городах и в деревнях, серые, с потухшими глазами, усталые лица²². Но во Франкфурте произошел неожиданный инцидент...

Когда поезд остановился, офицеры – фон Планитц и Бюриг – ушли в ресторан. Между тем вагон перегнали на другой путь. Тогда Платтен тоже вышел из вагона, отправился в вокзальный буфет, купил «пива, газет и попросил нескольких солдат за вознаграждение отнести пиво в вагон...»

Эмигранты стояли у окон, всматриваясь в лица пассажиров, спешивших к пригородным поездкам, как вдруг, растолкав охрану, в вагон прорвались солдаты. «Всякий из них держал в обеих руках по кувшину пива. Они набросились на нас, – пишет Радек, – с неслышанной жадностью, допрашивая, будет ли мир и когда. Это настроение солдат сказало нам о положении больше, чем это было полезно для германского правительства... Больше никого мы всю дорогу не видели»²³.

Вечером 10 апреля (28 марта) вагон подцепили к поезду и утром прибыли в Берлин сначала на Потсдамский, затем на Штеттинский вокзал. Платформа, на которой стоял поезд, была оцеплена штатскими шпиками до тех пор пока вагон не отправили в Засниц.

В Заснице Германия кончалась. Отсюда на морском пароме «Королева Виктория» путешественников доставляли до шведского города Треллеборг. Эмигрантов опять пересчитали и немецкие офицеры, сопровождавшие группу, остались на берегу. Обычно тут высаживались и пассажиры поезда, а потом шли на паром. Местные

²⁰ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 57, 64, 130, 131.

²¹ Там же. С. 58.

²² Там же. С. 57, 119.

²³ Там же. С. 56, 131; Хёпфнер К., Ирмтрауд Ш. Ленин в Германии. С. 182.

власти пригласили эмигрантов на ужин, но ленинская группа, дабы не ступить на немецкую землю, отказалась от приглашения и осталась ночевать в вагоне. И только когда утром весь состав вкатили в трюм, они вышли на палубу – здесь уже была шведская территория²⁴.

Тем авторам, которые упорно пишут о том, как германский кайзер принимал личное участие в решении вопроса о проезде эмигрантов и даже давал соответствующие инструкции, на всякий случай напоминаем, что именно в этот день, 12 апреля, когда российские революционеры покинули Германию, Вильгельм II был впервые проинформирован о «путешествии» интернационалистов²⁵.

На пароме эмигранты разошлись по каютам. «Море было беспокойно, – рассказывает Платтен. – Из 32 путешественников не страдали от качки только 5 человек, в том числе Ленин, Зиновьев и Радек; стоя возле главной мачты, они вели горячий спор». Дело в том, что пассажирам роздали обширнейшие анкеты, и Ленин заподозрил в этом какой-то подвох со стороны шведской полиции. Решили подписывать их фальшивыми фамилиями. Анкеты сдали, но «вдруг появляется с бумажкой в руке капитан и спрашивает, кто из них г-н Ульянов... Ильич не сомневается, что его предположение оказалось правильным, и вот его пришли задержать. Скрывать уже нечего, – в море не выскочишь. Владимир Ильич называет себя». Оказалось, что это всего лишь телеграмма от Ганецкого, встречающего паром²⁶.

Около 18 часов «Королева Виктория» причаливает в Треллеборге. На пристани Ганецкий и шведский социал-демократ Гримлунд. «Горячие приветствия, вопросы, суета, крик ребят. У меня, – пишет Ганецкий, – от радости слезы на глазах... Минуты нельзя терять, – через четверть часа едет поезд в Мальмё»²⁷. Немногим более часа и поезд в 20 часов 41 минуту доставляет путешественников в Мальмё.

Неподалеку от вокзала, в кафе гостиницы «Савой» Ганецкий заказал ужин. «Наша голытьба, – рассказывал Радек, – которая в Швейцарии привыкла считать селедку обедом, увидев громадный стол, заставленный бесконечным количеством закусок, набросилась, как саранча, и вычистила все до конца, к неслыханному удивлению кельнеров... Владимир Ильич ничего не ел. Он выматывал душу из Ганецкого, пытается от него узнать про русскую революцию все... что Ганецкому было неизвестно»²⁸.

В ночь на 13 апреля поездом выехали в Стокгольм. И опять Ленин расспрашивал Ганецкого о последних сведениях из России. Лишь в 4 часа ночи его уговорили не-

²⁴ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 58, 152, 185; Хёпфнер К., Ирмтрауд Ш. Ленин в Германии. С. 182.

²⁵ Соболев Г.Л. Тайна «немецкого золота». С. 71.

²⁶ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 131, 139.

²⁷ Там же. С. 138.

²⁸ Там же. С. 131, 138, 139.

много поспать. Однако уже в 8 утра на станции Сёдертелье в вагон ворвались корреспонденты. «Строго выполняя решение, – пишет Елена Усиевич, – не отвечать ни на какие вопросы, мы не говорили даже “да” и “нет”, а лишь... тыкали пальцами в направлении Ильича. Полагая, что мы не понимаем вопросов, представители прессы пытались заговаривать с нами на французском, немецком, английском, даже на итальянском языках... Справляясь со словарем, задавали вопросы на русском или польском языках. Мы мотали головами и тыкали пальцами в Ильича. Боюсь, что у западной прессы создалось впечатление, будто знаменитый Ленин путешествует в сопровождении глухонемых...» Все успокоились после того, как Владимир Ильич заявил, что коммюнике для прессы будет передано в Стокгольме²⁹.

В пятницу, 13 апреля, в 10 часов утра поезд прибыл в Стокгольм. На Центральном вокзале его встречали шведские социал-демократы: бургомистр Карл Линдхаген, депутат риксдага, писатель Фредерик Стрём, русские большевики и множество корреспондентов и фоторепортеров. Корреспондентам Владимир Ильич сказал: «Самое важное, чтобы мы прибыли в Россию *как можно скорее*. Дорог каждый день...» и передал для опубликования официальное коммюнике о поездке³⁰.

С вокзала проследовали в гостиницу «Регина». Здесь состоялось совещание с шведскими левыми. Ленин сделал сообщение об обстоятельствах их поездки. И под «Заявлением», подписанном в Берне интернационалистами Франции, Германии, Польши и Швейцарии, поставили свои подписи – уже упомянутые Линдхаген и Стрём, а также редактор «Politiken» Карл Карльсон, журналист Карл Чильбум, поэт и писатель Туре Нёрман и секретарь *норвежского* социалистического союза молодежи Арвид Хансен³¹.

Все закончилось обильным завтраком, и Радек по этому поводу сострил: «Швеция отличается от всех других стран тем, что там по всякому поводу устраивается завтрак, и когда в Швеции произойдет социальная революция, то будет сначала устроено завтраком в честь уезжающей буржуазии, а после – завтрак в честь нового революционного правительства»³².

Надо было решать проблему денег. Владимир Ильич обратился к Стрёму: «Мы взяли в долг несколько тысяч крон для поездки у одного швейцарского партийного товарища-фабриканта». Тут Стрём, видимо, что-то запямятовал или не понял. Ибо поручителем за ссуду в 3 тысячи франков, выданную швейцарскими социалистами, стал не фабрикант, а член Совета кантонов, крайне правый социал-демократ Отто Ланг³³. «Не могли бы вы, – продолжил Ленин, – взять в долг несколько тысяч крон у

²⁹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 139, 152.

³⁰ В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 46, 47.

³¹ Там же.

³² Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 132.

³³ Там же. С. 53, 203.

нескольких рабочих организаций; трудно ехать через вашу протяженную страну и через Финляндию. Я обещал, – пишет Стрём, – попытаться и позвонил нескольким профсоюзным руководителям, нашему издателю и Фабиану Монссону, чтобы провести сбор денег в риксдаге. Фабиан достал несколько трехсотенных. Он пошел, между прочим, к Линдману, который был министром иностранных дел. “Я подпишусь охотно на сотню крон, только бы Ленин уехал сегодня”, – сказал Линдман. Несколько буржуазных членов риксдага подписались потому, что Фабиан сказал: “Они будут завтра управлять Россией”. В это Фабиан совершенно не верил, но это помогло... Мы собрали несколько сотен крон, и Ленин был доволен... Таким образом, он мог расплатиться за отель и за билеты до Хапаранды»³⁴. Наконец, в Русском генеральном консульстве Владимир Ильич получил и официальное свидетельство № 109 о проезде всей группы эмигрантов в Россию.

Оставались незавершенными некоторые другие дела. Еще утром Ленин попросил Стрёма похлопотать о свидании с находившимся в тюрьме Карлом Хёглундом. Но власти отказали, и тогда, вместе со Стрёмом, он послал Хёглунду телеграмму: «Желаем скорого возвращения на свободу, к борьбе!» Отправили телеграмму и в Петросовет – Чхеидзе, которую, помимо Ленина, подписали Миха Цхакая и Давид Сулиашили, с просьбой обеспечить группе беспрепятственный проезд через русскую границу³⁵. Подпись Цхакая имела особый смысл: именно он в давние времена вовлек Чхеидзе в ряды российской социал-демократии.

Все, таким образом, складывалось удачно, хотя вполне могла случиться и неприятность. Опасность исходила от того же Парвуса. Зная о том, что канцлер Германии Бетман-Гольвег, статс-секретарь иностранных дел Ягов и министр финансов Гельферих недовольны им за явную бездеятельность³⁶, Парвус примчался в Стокгольм и через Ганецкого попросил Ленина о встрече якобы от имени Главного Правления германской социал-демократии. Но когда он пришел в гостиницу, Ленин, предупрежденный Ганецким, уже покинул ее. А Ганецкий, Воровский и Радек составили формальный протокол об отказе российских эмигрантов от каких бы то ни было контактов с Парвусом. Впрочем это не помешало ему, получив такую пощечину и, естественно, умолчав о ней, доложить своему шефу Брокдорф-Ранцау о том, что с русскими большевиками он все-таки встретился³⁷.

Во второй половине дня Ленин провел совещание. Поскольку оба члена Загра-

³⁴ См. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР». (1963. № 5. С. 18).

³⁵ См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 48; «Заря Востока», Тифлис, 1925, 17 января.

³⁶ См.: Соболев Г.Л. Тайна «немецкого золота». С. 41, 42, 44, 45.

³⁷ См.: Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 132; Соболев Г.Л. Тайна «немецкого золота». СС. 69, 70.

ничной коллегии ЦК – он и Зиновьев – возвращались на родину, решено было оставить в Стокгольме Заграничное представительство ЦК в составе Воровского, Ганецкого и Радека. Им были даны все необходимые инструкции и переданы деньги, оставшиеся у Заграничной коллегии – 300 шведских крон и облигации шведского государственного займа той же стоимости, в которые – в свое время – вложил партийные деньги Шляпников³⁸.

И, наконец, поскольку Радек оставался в Швеции, его место в составе группы возвращавшихся в Россию решено было предоставить польскому социал-демократу, находившемуся в Стокгольме, Александру Гранасу. Поэтому численность группы осталась неизменной – 32 человека³⁹.

Все дела были закончены, и Радек потащил Ленина и Зиновьева по магазинам. «Вероятно, добропорядочный вид солидных шведских товарищей, – писал Радек, – вызвал у нас страстное желание, чтобы Ильич был похож на человека». Купили ботинки, стандартный темно-коричневый костюм. И каждый раз Владимир Ильич упирался: «Не думаете ли вы, что я собираюсь открыть в Петрограде лавку готового платья?» Зиновьев вспоминал: «Машинально ходили по улицам, машинально что-то закупали из самого необходимого для поправления неказистого туалета В.И. и других и чуть ли не каждые полчаса справлялись о том, когда же уходит поезд...»⁴⁰

Вернулись в гостиницу, где шведы устроили прощальный обед, а оттуда, с вещами, двинулись на вокзал. На перроне, вместе с провожающими, устроили митинг. «Когда наши уже погрузились, – пишет Радек, – какой-то русский, сняв шляпу, начал речь к Ильичу. Пафос начала речи, в которой Ильич чувствовался как “дорогой вождь”, заставил Ильича приподнять немножко котелок, но... дальнейший смысл его речи был приблизительно таков: смотри, дорогой вождь, чтоб ты там в Петрограде не наделал никаких гадостей. Смущение, с которым Ильич прислушивался в первом лестным фразам речи, уступило место лукавой улыбке». Провожающие запели «Интернационал» и в 18 часов 37 минут поезд тронулся в путь⁴¹.

«Как только мы расположились в купе, – рассказывает Давид Сулиашвили, – Ленин достал кипу газет, улегся на верхней койке, зажег электричество и начал читать газеты...» Наступила ночь. В купе было тихо и уютно. Слышно было только шуршание газет и негромкие восклицания Владимира Ильича: «Ах, каналы! Ах, изменники!» А утром, когда все проснулись, в коридоре вагона провели собрание. Чтение питерских газет наводило на размышления. Условились, что все переговоры на границе

³⁸ См.: Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 132, 133.

³⁹ См.: Ермолаева Р.А., Манусевич А.Я. Ленин и польское рабочее движение. М., 1971. С. 402.

⁴⁰ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 123, 132.

⁴¹ Там же. С. 133.

будут вести Ленин и Цхакая, и договорились о том, как вести себя в случае ареста или политического процесса в Петрограде⁴². Остаток дня и добрую половину ночи, пока поезд тащился по Швеции, Владимир Ильич вновь сидел над газетами, прихваченными из Стокгольма документами, делал записи, пытаясь собрать воедино все свои мысли о событиях, происходивших в России.

15 (2) апреля «ранним морозным утром, – пишет Елена Усиевич, – мы высадились в маленьком рыбацьем городке Хапаранда и через несколько минут столпились на крылечке небольшого домика, где за гроши можно было получить чашку черного кофе и бутерброд. Но нам было не до еды. Перед нами простирался замерзший еще в это время года залив, а за ним – за ним территория России, город Торнео и развевающийся на здании вокзала красный флаг... Мы молчали от волнения, устремив на него глаза»⁴³.

Владимир Ильич зашел в русское консульство и получил на группу 300 крон пособия, полагавшегося – из Татьянинского фонда – всем возвращавшимся политэмигрантам, и заплатил за 32 билета III класса до Петрограда⁴⁴. Между тем «к крылечку подъехало десятка полтора саней спряженными в них маленькими мохнатыми лошадами. Мы стали попарно рассаживаться... Я вдруг вспомнила, – пишет Елена Усиевич, – что в чемодане у меня лежит маленький красный платочек... Я достала его, привязала к взятой у мужа альпийской палке... В это время сани Владимира Ильича объезжали наши, чтобы стать впереди процессии. Владимир Ильич, не глядя, протянул руку, я вложила в нее свой флаг. Все сани сразу тронулись. Владимир Ильич высоко поднял над головой красный флаг, и через несколько минут, со звоном бубенчиков, с поднятым над головой Ленина маленьким флажком, мы въехали на русскую территорию... В Торнео каждого из нас окружила толпа рабочих, солдат, матросов, посыпались вопросы, ответы, разъяснения... “Смотрите, дорвались!” – сказала мне Надежда Константиновна, кивая на нескольких наших особенно горячих агитаторов...»⁴⁵

Но дальше пришлось иметь дело не с приветливыми русскими солдатами-пограничниками, а с английскими офицерами, командовавшими на финской границе. Они были грубы и бесцеремонны. И это сразу испортило всем настроение.

Дело в том, что после того, как попытка удержать эмигрантов в Швейцарии лопнула, английские власти решили остановить их в Швеции. Из дневника лидера шведской социал-демократии Э.Пальмшерна известно, что якобы вынашивались даже планы убийства Ленина. Но, взвесив все за и против, решили от «крайних мер» отка-

⁴² См.: «Заря Востока», Тифлис, 1925, 17 января.

⁴³ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 153.

⁴⁴ В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 52.

⁴⁵ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 153.

заться и организовать в России соответствующую клеветническую кампанию, как говорится, – убить и политически, и морально⁴⁶.

Однако отказать себе в удовольствии поиздеваться над политэмигрантами английские офицеры, конечно, не могли. Начали с Платтена. Ему сразу сказали, что в Питере его немедленно арестуют. А когда Фриц ответил, что готов и на это, разговор прервали и заявили, чтобы он под конвоем убирался назад в Хапаранду, ибо в пересечении границы ему отказано. А остальных, тоже под военным конвоем, в 4 часа отправят в Питер⁴⁷.

Случившееся с Платтеном не стало неожиданностью. Возможность такого варианта обсуждалась еще в поезде. Тогда кто-то из молодых затеял спор: а что, если Фрица не пропустят в Россию? Он был всеобщим любимцем, поэтому решили – в знак протеста – русскую границу не пересекать пока не добьемся для него разрешения. Молодым это показалось ужасно благородным актом солидарности. И они пошли по вагону собирать подписи. Принесли документ Ленину. «Едва бросив на него взгляд, он спокойно спросил: “Какой идиот это писал? Английское и русское правительство сделают все, чтобы не пропустить нас. И мы сами откажемся?” Тут только мы, – пишет Елена Усиевич, – без всяких дальнейших объяснений, поняли, до чего это было глупо...»⁴⁸

Тем не менее, когда Платтен рассказал о решении англичан, Ленин предложил задержаться всей группе и немедленно послал телеграмму в Питер, в бюро ЦК РСДРП, с просьбой ускорить получение пропуска для Платтена. С Фрицем было договорено, что три дня он будет ждать ответа в Хапаранге. «Однако, – пишет Платтен, – не желая служить препятствием для их дальнейшей поездки, я настойчиво просил оставить меня в Швеции»⁴⁹.

Тогда англичане пошли на другую провокацию... Все, кто писал о том, что происходило тогда в Торнео, особо отмечали: обыск, учиненный англичанами, носил умышленно оскорбительный характер. И только 52-летний Миха Цхакая пояснил: офицеры не ограничились тем, что шарили в вещах и по карманам, они «подвергли нас унизительному обыску, раздев Ильича и меня до гола...»⁵⁰

Но спровоцировать скандал и на сей раз не удалось. Все эмигранты заполнили опросные листы, а Ленин буквально «впился в газетные столбцы» купленной на вокзале «Правды». Зиновьев рассказывает: «В.И. качает головой, с укором разводит руками: прочел известие о том, что Малиновский оказался-таки провокатором. Даль-

⁴⁶ См. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 22).

⁴⁷ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 59, 60.

⁴⁸ Там же. С. 150.

⁴⁹ Там же. С. 60.

⁵⁰ «Комсомольская правда», 1937, 16 апреля; «Красная звезда», 1940, 22 апреля.

ше, дальше. Настоящую тревогу вызывают у В.И. некоторые недостаточно выдержанные с точки зрения интернационализма статьи в первых номерах “Правды”. Неужели?.. Ну, мы с ними “повоюем”...»⁵¹

А время идет. 16 часов, указанные англичанами для отправки, прошли. Лишь вечером подается состав, и группа начинает грузиться в отдельный вагон. В 20 часов 8 минут Владимир Ильич дает телеграмму сестрам – Марии и Анне Ульяновым: «Приезжаем понедельник, ночью, 11. Сообщите “Правде”»⁵². Английские офицеры слово сдержали: до Питера эмигрантов будет сопровождать вооруженный конвой под командованием поручика.

Всю ночь и весь день поезд шел по Финляндии. «Было уже все милое, свое – плохенькие вагоны третьего класса, – рассказывает Крупская... – На перронах станций, мимо которых проезжали, стояли гурьбой солдаты. Усиевич высунулся в окно. “Да здравствует мировая революция!” – крикнул он. Недоуменно посмотрели на едущих солдаты»⁵³.

Владимир Ильич пытался сосредоточиться, писать. Но не давала покоя мысль, что те, для кого он искал слова, к кому собирался обратиться там – в Петрограде, – они уже здесь, рядом. Что конвойные солдаты, молоденький офицер – это и есть те самые реальные люди, которые совершали революцию. И чувствовалось, что им тоже хотелось бы потолковать с этим «главным революционером».

Командовавший конвоем поручик, бледнея от волнения, несколько раз заглядывал в купе, где ехал Ленин. Но заговорить так и не решился. И только когда Владимир Ильич и Крупская «перешли в соседний пустой вагон, подсел и заговорил... Поручик был оборонцем, – рассказывает Надежда Константиновна, – Ильич защищал свою точку зрения – был тоже ужасно бледен. А в вагон мало-помалу набирались солдаты. Скоро набился полный вагон. Солдаты становились на лавки, чтобы лучше слышать и видеть того, кто так понятно говорит против грабительской войны. И с каждой минутой росло их внимание, напряженнее делались их лица». Сюда прибежал и маленький Роберт. Он мгновенно «очутился на руках какого-то пожилого солдата, обнял его ручонкой за шею, что-то лопотал по-французски, и ел творожную пасту, которой кормил его солдат»⁵⁴.

«В.И., – пишет Зиновьев, – буквально “впился” в этих солдатиков. Пошли разговоры о земле, о войне, о новой России. Особая, достаточно хорошо известная манера В.И. подходить к рядовым рабочим и крестьянам сделала то, что через самое короткое время установилось великолепное товарищеское взаимоотношение... Но

⁵¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 124.

⁵² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 434.

⁵³ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 119-120.

⁵⁴ Там же. С. 119-120.

солдаты-оборонцы стоят на своем». Их нисколько не смущает, что собеседник явно из «образованных». У них своя точка зрения.

Собственно, все это – слово в слово – он уже слышал в Цюрихе от Михалева. Значит то, что говорил Кондрат – не единичное мнение, а распространенное убеждение. Поэтому и этих солдат «В.И. уже через час беседы окрестил “добросовестными оборонцами”... Первый вывод, который делает В.И.: оборончество – еще большая сила. В борьбе с ним нам нужна твердая настойчивость. Но столь же необходимы терпение и умелый подход»⁵⁵. Так вспоминал об этом эпизоде Григорий Зиновьев. Ему запомнилось то, что сказал Ленин и его политическая оценка собеседников. Но для самого Владимира Ильича главным оказалось другое...

В письме от 26 марта Коллонтай писала ему: «Народ переживает опьянение совершенным великим актом. Говорю “народ” потому, что на первом плане сейчас не рабочий класс, а расплывчатая, разнокалиберная масса, одетая в солдатские шинели. Сейчас настроение диктует солдат. Солдат создает и своеобразную атмосферу, где перемешивается величие ярко выраженных демократических свобод, пробуждение сознания гражданских равных прав и полное непонимание той сложности момента, какой переживаем»⁵⁶. Оказалось, что Александра Михайловна не совсем права, а в чем-то и совсем неправа...

Спустя несколько часов, уже в Петрограде, в разговоре с членами ЦК и ПК РСДРП, он вспомнил не о том, как спорил с «добросовестными оборонцами», а о том – как и что говорили эти солдаты: «Надо было слышать, с какой убежденностью они говорили о необходимости немедленного окончания войны, скорейшего отобрания земли у помещиков. Один из них, – продолжал Ленин, – наглядно показал, как надо окончить войну. Он сделал очень энергичное движение рукой, как бы с силой вбивая что-то глубоко в пол, и сказал: “штык в землю – вот как окончится война!” И тут же прибавил: “но мы не выпустим винтовок из рук, пока не получим землю”. А когда я заметил, что без перехода власти к рабочим и крестьянам невозможно ни прекратить войну, ни наделить крестьян землей, солдаты полностью со мной согласились»⁵⁷. Так записал рассказ Владимира Ильича Николай Подвойский.

На следующий день, выступая с «Апрельскими тезисами» перед большевиками, Ленин тоже вспомнил о беседе в вагоне и о том, как этот солдат – крестьянин, не желавший выпускать винтовку из рук, представлял себе аграрную реформу: «Тамбовский мужик [говорил]... За одну десятину платить не нужно, за вторую – 1 руб., за

⁵⁵ Платген Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 124, 125.

⁵⁶ РГАСПИ. Фонд 134, оп. 1, д. 272, л. 48.

⁵⁷ Яковлев Б.В. Ленин. Страницы автобиографии. М. «Молодая гвардия», 1967. С. 555. Верстка книги, запрещенной цензурой, хранится в РГАСПИ (фонд 71, оп. 51, д. 94).

третью – 2 руб. Мы землю возьмем, а помещик не сможет уже ее отобрать»⁵⁸.

Спустя неделю, 23 (10) апреля, в брошюре «Задачи пролетариата в нашей революции», Ленин напишет: «Войну нельзя кончить “по желанию”. Ее нельзя кончить решением одной стороны. Ее нельзя кончить, “воткнув штык в землю”, употребляя выражение одного солдата-оборонца». Еще через неделю, в статье «Наши взгляды», он повторит: «Войну невозможно кончить ни простым втыканием штыков в землю, ни вообще односторонним отказом одной из воюющих стран». И даже через два года он будет вспоминать об этом разговоре в поезде с безымянным солдатом⁵⁹.

А тогда, в вагоне, дискуссия продолжалась. Сюда подошли другие эмигранты. Но когда молодые революционеры слишком уж категорично начинают «давить» на собеседников, Ленин, кивая на солдат, укоряет Усиевича, Сафарова, Давида Сулиа-швили: «Вы слушайте, слушайте...»⁶⁰ А сам уходит в купе. Первое волнение от встречи прошло. Мысли, вынашивавшиеся с первых дней революции, излагавшиеся в статьях и «Письмах издалека», приобретают еще более четкую форму, выстраиваются в строгой последовательности... И он пишет первоначальный набросок «Ап-рельских тезисов».

В 9 часов вечера поезд остановился на станции Белоостров. На перроне их встречают: Шляпников, Коллонтай, Сталин, Каменев, Мария Ульянова и другие. Здесь же около четырехсот сестрорецких рабочих, приехавших для встречи во главе с Вячеславом Зофом, Николаем Емельяновым и Людмилой Сталь. Рабочие подхватили Ленина на руки, внесли в станционный буфет, поставили на табуретку и Владимир Ильич произнес свою первую в России краткую речь. Людмила Сталь предлагает Крупской сказать несколько слов работницам, но от волнения, пишет Надежда Константиновна, «у меня пропали все слова...»⁶¹

Поезд, вместе с встречавшими членами ЦК и ПК РСДРП, движется дальше. А «в тесном полутемном купе третьего класса, освещенном огарком свечи, происходит первый обмен мнениями. В.И. забрасывает товарищей рядом вопросов». И в конце – самый животрепещущий: «Будем ли мы арестованы...? Встречающие нас друзья определенного ответа не дают, но загадочно улыбаются»⁶². Если бы они знали то, что теперь знаем мы, оснований для улыбок было бы меньше.

Дело не только в том, что в составе воинской команды, сопровождавшей эмигрантов от Торнео, ехали четыре сотрудника контрразведки с документами на всю группу, которую они должны были сдать на Финляндском вокзале в Питере комисса-

⁵⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 110.

⁵⁹ Там же. С. 161, 281.

⁶⁰ См.: «Заря Востока». Тифлис. 1925, 17 января.

⁶¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 120, 125.

⁶² Там же. С. 125.

ру Временного правительства⁶³. Важнее другое: именно в Белоострове могло случиться нечто более серьезное...

Начальник контрразведки Петроградского Военного округа Борис Никитин оставил на сей счет обстоятельные воспоминания. В самом конце марта, рассказывает он, к нему явился представитель английской контрразведки и передал «список предателей в 30 человек, во главе которых стоит Ленин... Их пропустила Германия и они примерно дней через пять придут к нашей границе». Выясняется, что МИД без санкции Совета не может запретить им въезд. Зато Главный военный прокурор генерал Апушкин дает санкцию Никитину: «Делайте, что хотите, только бы добиться результатов».

«Вызываю телеграммой, – продолжает Никитин, – коменданта Белоострова, есаула Савицкого... “Вот вы, – говорю ему, – все просите у меня живого дела. Вам так хочется вынуть шашку и пройти лавой весь Белоостров. Так я вам даю задачу много проще: силой, или как хотите, но не пропустите их через границу”». Результат известен: есаул не упомянул о четырехстах сестрорецких оружейниках, а только сказал потом Никитину, имея в виду своих казаков: «Люди не вышли»⁶⁴.

3 (16) апреля 1917 года в 23 ч. 10 м. поезд прибывает на перрон Финляндского вокзала Петрограда.

Информация «Правды»: «В 11 ч. 10 м. подошел поезд. Вышел Ленин, приветствуемый друзьями, товарищами по давнишней партийной работе. Под знаменами партии двинулся он по вокзалу, войска взяли на караул... Идя дальше по фронту войск, шпалерами стоявших на вокзале и державших “на караул”, проходя мимо рабочей милиции, Н. Ленин всюду был встречаем восторженно». В «царской» комнате вокзала его уже ждали представители Петросовета во главе с Чхеидзе...

Дальнейшее живописует Николай Суханов: «Во главе небольшой кучки людей, за которыми немедленно снова захлопнулась дверь, в “царскую” комнату вошел или, пожалуй, вбежал Ленин, в круглой шляпе, с избытком лицом и роскошным букетом в руках. Добежав до середины комнаты, он остановился перед Чхеидзе, как будто натолкнувшись на совершенно неожиданное препятствие. И тут Чхеидзе произнес следующую “приветственную речь”... “Мы полагаем, что главной задачей революционной демократии является сейчас защита революции от всяких на нее посягательств как изнутри, так и извне. Мы полагаем, что для этой цели необходимо не разъединение, а сплочение рядов всей демократии. Мы надеемся, что вы вместе с нами будете преследовать эти цели...” Ленин, видимо, хорошо знал, как отнестись ко всему этому. Он стоял с таким видом, как бы все происходящее ни в малейшей степени его не касалось: осматривался по сторонам, разглядывал окружающие лица и даже потолок

⁶³ См.: «Известия», 1977, 15 апреля, с. 2.

⁶⁴ Никитин Б.В. Роковые годы. Париж, 1937. С. 22, 57, 58.

“царской” комнаты, поправляя свой букет “довольно слабо гармонизировавший со всей его фигурой”, а потом, уже совершенно отвернувшись от делегации Исполнительного Комитета, “ответил” так: “Дорогие товарищи солдаты, матросы и рабочие! Я счастлив приветствовать в вашем лице победившую русскую революцию, приветствовать вас как передовой отряд всемирной пролетарской армии...”⁶⁵

Встреченный многотысячным «ура», Ленин выходит на ступеньки вокзала. Ему помогают подняться на броневик. Он потоптался на площадке у пулеметной башни, словно проверяя машину на прочность, отдал букет. Но ему явно мешал и котелок, как мешал он потом скульпторам, ваявшим знаменитый памятник на площади у вокзала и заменившим шляпу на пролетарскую кепку. И только сняв котелок, Владимир Ильич начинает говорить...

Информация «Правды»: «...Стоя на броневом автомобиле тов. Ленин приветствовал революционный русский пролетариат и революционную русскую армию, сумевших не только Россию освободить от царского деспотизма, но и положивших начало социальной революции в международном масштабе...»⁶⁶

«Тот, кто не пережил революции, – вспоминала Крупская, – не представляет себе ее величественной, торжественной красоты. Красные знамена, почетный караул из кронштадтских матросов, рефлекторы Петропавловской крепости от Финляндского вокзала к дому Кшесинской, броневики, цепь из рабочих и работниц, охраняющих путь.

...Нас привезли в дом Кшесинской, где помещались тогда ЦК и Петроградский комитет. Наверху был устроен товарищеский чай, хотели питерцы организовать приветственные речи, но Ильич перевел разговор на то, что его больше всего интересовало, стал говорить о той тактике, которой надо держаться. Около дома Кшесинской стояли толпы рабочих и солдат. Ильичу пришлось выступать с балкона...

Потом мы поехали домой, к нашим, к Анне Ильиничне и Марку Тимофеевичу [Елизарову]... Нам отвели особую комнату. Мальчонка, который рос у Анны Ильиничны, Гёра, по случаю нашего приезда над обеими нашими кроватями вывесил лозунг: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” Мы почти не говорили с Ильичом в ту ночь – не было ведь слов, чтобы выразить пережитое, но и без слов было все понятно.

Когда мы остались одни, Ильич обвел комнату глазами... Почувствовалась реальность того факта, что мы уже в Питере, что все эти Парижи, Женевы, Берны, Цюрихи – это уже действительно прошлое⁶⁷.

⁶⁵ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3-4. М., 1991. С. 6-7.

⁶⁶ «Правда», 1917, № 24, 5 апреля.

⁶⁷ Воспоминания о В.И.Ленине. Т. 1. С. 441, 442.